

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РУССКО-ПОЛЬСКОГО ПЕРЕВОДА

В. Г. Гасек

PRAGMATIC ASPECTS OF RUSSIAN-POLISH TRANSLATION AND INTERPRETATION

B. G. Gasek

В настоящей статье рассматриваются основные прагматические аспекты русско-польского перевода. Сделана попытка выявить закономерности межъязыковых отношений на уровне отдельных лексем, целостных фраз, реплик речевого этикета. Обсуждаются основные приемы прагматической адаптации текста перевода.

The article aims to present the main pragmatic aspects of Russian-Polish translation and interpretation. The starting point for the analysis is the pragmatic meaning of words and collocations (stylistic characteristics, stylistic register, and context of use). Special attention was given to pragmatic adaptation.

Ключевые слова: прагматическое значение, прагматическая адаптация, межъязыковая асимметрия, адекватный перевод, речевой этикет.

Keywords: pragmatic meaning, pragmatic adaptation, interlingual asymmetry, adequate translation, language etiquette.

Перевод – это сложный процесс, требующий учета различных факторов, среди которых можно назвать не только денотативное и коннотативное значение исходных единиц, элементы страноведческого и культурологического характера, присущие единицам исходного языка (ИЯ), но также прагматическую составляющую. Под прагматическим значением принято понимать «специфическое восприятие заключенной в языковом высказывании информации со стороны различных получателей и групп получателей» [8, с. 163]. Необходимо отметить, что советский переводовед Л. С. Бархударов, рассматривая проблему прагматического значения, включал в эту категорию стилистическую характеристику слова, его регистр и эмоциональную окраску. Упомянутый нами ученый понимал стилистическую характеристику как закрепленность слов за определенными речевыми жанрами. На этом основании были выделены следующие виды стилистической характеристики слова: нейтральная (стилистика не принужденные слова), обиходно-разговорная (слова, употребляемые в устной речи в «неофициальной обстановке» и не употребляемые, как правило, в письменной речи), книжная (употребляемые только в письменной речи), поэтическая (слова, употребляемые преимущественно в языке поэзии), терминологическая (слова, употребляемые прежде всего в официально-научном жанре). Понимая под регистром слова состав коммуникантов и ситуацию общения («условие, в котором протекает процесс коммуникации»), Л. С. Бархударов выделил фамильярный, непринужденный, нейтральный, формальный, возвышенный регистры. Эмоциональная окраска, в свою очередь, подразумевала подразделение лексики на три группы – отрицательно-эмоциональная, нейтрально-эмоциональная и положительно-эмоциональная [2, с. 108 – 115].

Прагматическое значение в широком плане подразумевает учет таких параметров, как: нормы правильного употребления единиц, их стилистическая характеристика, отношение говорящего к предмету высказывания, желание повлиять на поведение получателя сообщения (см., например, [10, с. 137]).

Расхождение вышеуказанных характеристик слов и других единиц перевода в двух языках зачастую делает необходимой так называемую прагматическую адаптацию, понимаемую в соответствии с одной из многочисленных дефиниций: «система действий переводчика с использованием приемов, направленных на приспособление текста ПЯ к восприятию его адресатом, являющимся носителем другой культуры» [6, с. 142].

Мы попробуем проследить на русско-польском материале некоторые закономерности, касающиеся упомянутого нами явления. Итак, сравнивая лексику русского и польского языков, следует заострить внимание на парах слов, которые при сходстве в плане выражения и плане содержания, различаются оттенками значения, отнесенностью к конкретному стилевому регистру, частотностью употребления и т. п. Этот тип отношений, рассматриваемый Н. К. Гарбовским в рамках типологии межъязыковой асимметрии, получил название равнообъемности [3, с. 342 – 346]. Более подробный анализ данного явления позволяет констатировать существование следующих закономерностей.

Некоторые старые славянские слова относятся в русском языке к поэтическим архаизмам, а в польском – к общепотребительной лексике (ср.: [5, с. 26]), напр.: **чело, длань, очи, перси, уста** и **czolo, dłoń, oczy, piersi, usta**. Разумеется, что, несмотря на совпадение денотативных значений, приведенные нами пары лексем не являются в типичном контексте эквивалентами, что вынуждает переводчика использовать приемы трансформации. При переводе с польского языка для указанных лексических единиц в виде эквивалентов чаще всего используются слова **лоб, ладонь, глаза, грудь, губы**.

Следует также отметить, что при совпадении денотативного значения и сходстве внешней формы слово одного языка может относиться к устаревшей, а другого к нейтральной лексике (ср.: **лекарь, оборотить, покой** и **польск. lekarz, obrócić, pokój**).

Продолжая указывать группы слов, совпадающих при сходстве внешних оболочек в плане денотативного значения, но различающихся в плане значения

прагматического, необходимо выделить пары, одно слово в которых относится к нейтральному стилю речи, а второе к разговорному: **работа, рыжий, танцевать** и *польск., разг. robota, ryży, tańcować*. Следовательно, не приходится говорить об эквивалентности фраз, типа:

Я нашел другую **работу**.

Znalazłem inną **robotę**.

Несомненно, лексема **robota** принадлежит к разговорному регистру. Правильным соответствием может послужить предложение: Znalazłem inną **pracę**.

Еще более убедительный пример – это пара фраз:

Я **работаю** на заводе.

Robię w fabryce.

Польское **robię** в отличие от русского глагола придает высказыванию не только оттенок разговорности, но одновременно в более широком контексте может выражать отрицательное отношение к выполняемой работе или иронию. Нейтральной переводной эквивалент исходной фразы – это: **Pracuję** w fabryce.

Еще одной закономерностью, рассматриваемой нами в рамках отношения равнообъемности, следует считать сходство звучания / написания и денотативного значения пары слов при значительных расхождениях в плане частотности употребления, *напр., журналист, фактор, тротуар* и *żurnalista, faktor, trotuar*. Частотность употребления напрямую влияет на восприятие конкретной лексемы и, таким образом, она относится к важнейшим параметрам переводческой эквивалентности. Итак, польское **żurnalista** употребляется редко, иногда в шутку или с оттенком иронии. Слово **faktor** характерно для речи специалистов и специальных текстов, а **trotuar** ассоциируется с устаревшей лексикой.

Поясим, что точными эквивалентами указанных русских лексем являются слова **dziennikarz, czynnik, chodnik**.

Исходные лексические единицы, характеризующиеся равнообъемностью, требуют отдельного решения на перевод, позволяющего сохранить присущие им оттенки значения. Данное положение хорошо просматривается на примере пар слов **азер, жид, Руски (Rusek) – Azer, Żyd, русский**, первое из которых носит уничижительный оттенок значения, вследствие чего в качестве эквивалента должна быть выбрана другая единица. Отметим, что иногда переводчик вынужден прибегать к приему описательного перевода или к другим типам трансформаций, включая добавление, переводческий комментарий, компенсацию и т. п. По нашим наблюдениям, источниками неточного перевода могут, в частности, стать лексемы **армия** (во многих контекстах правильнее **wojsko**, чем **armia**), **афера** (в словосочетаниях типа **политическая афера – skandal polityczny**, а не **afery**), **беременный** (устойчивым переводческим соответствием является словосочетание **w ciąży**, а отнюдь не **wysok. brzemienna**), **вундекинд** (в польском языке в качестве эквивалента используется выражение **ciężkie dziecko, wunderkind**, скорее всего, употребляется в шутку), **думать** (**myśleć**, а не **dumać**), **киллер** (чаще всего переводится как **placny zabójca**, в то время как **killer** остается в польском языке жаргонизмом), **профессия** (чаще **zawód**, чем **profesja**), **сторонник** (чаще **zwolennik**,

чем **stronnik**), **социальный** (в многочисленных случаях не **socjalny**, а **spoeczny**), **фактор** (в нетерминологическом употреблении намного лучше **czynnik**, чем **faktor**), **футбол** (чаще **piłka nożna**, чем **futbol**), **экономика** (часто не **ekonomika**, а **gospodarka**).

В переводных статьях, публикуемых в польской прессе, а также в телевизионных сообщениях, касающихся постсоветского пространства, часто появляются определения **stronnicy Putina, stronnicy Łukaszenki**, хотя для исходного **сторонники Путина, сторонники Лукашенко** точнее соответствие в виде фразы: **zwolennicy Putina, zwolennicy Łukaszenko**. Нейтральным соответствием *рус.* лексемы следует считать *польск. zwolennik*, в то время как **stronnik** относится к высокой лексике [4, с. 49], а в некоторых контекстах может иметь уничижительный оттенок значения.

Суть рассматриваемого нами явления можно проследить, сравнивая следующий отрывок статьи с ее переводом на польский язык:

«Вот **диапазон интереса** Ростроповича к человечеству – от королевы Елизаветы до продавца на рынке...»

[7]. „W **diapazonie jego zainteresowań** mieści się i królowa angielska, i sprzedawca na targu” [9].

В исходном тексте мы видим слово **диапазон**, которое довольно часто встречается в составе выражения **диапазон интересов**. В текстах на польском языке лексема **diapazon** редко появляется в нетерминологическом значении. Следовательно, мы имеем дело с выбором неточного – в силу расхождения прагматических значений – эквивалента. Добавим, что выбранное переводчиком соответствие не мешает пониманию текста перевода и не меняет значения исходного текста, но нарушает его стилистику.

Сходные в плане выражения и содержания лексемы двух языков могут отличаться особенностями функционирования в речи. Сравним слова **инвалид, слепой, глухой** и *польск. inwalida, ślepy, głuchy*. С формальной точки зрения, они образуют пары межъязыковых эквивалентов. Однако приведенные польские слова считаются некорректными и как таковые в нейтральных контекстах, официальных текстах, публичных выступлениях чаще всего заменяются лексемами **niepelnosprawny, niewidomy, niesłyszący**. Итак, Международный день **инвалидов** – это по-польски Międzynarodowy Dzień Osób **Niepelnosprawnych**, а Международный шахматный комитет **глухих** – это Międzynarodowy Komitet Szachistów **Niesłyszących**. Отметим, что в последнее время также в русском языке наметилась тенденция к эвфемизации речи – СМИ довольно часто вместо слова **инвалиды** пользуются формулировкой **люди с ограниченными возможностями**.

Подчеркнем, что рассматривая отношение равнообъемности, мы оставляем в стороне рассуждения об эквивалентности типа: **бдительное око; беречь как зеницу ока; в мгновение ока; бить челом; око за око, зуб за зуб; сытый голодного не разумеет; спасать свою шкуру; не так страшен чёрт, как его малюют; с улыбкой на устах; на устах у всех; бить себя в перси; время – лучший лекарь; красный как бугак и czujne oko; strzec jak źrenicy oka; w**

mgnieniu oka; bić czołem; oko za oko, ząb za ząb; syty głodnego nie zrozumie; ratować własną skórę; nie taki diabeł straszny, jak go malują, z uśmiechem na ustach; na ustach wszystkich; bić się w piersi; czas jest najlepszym lekarzem; czerowny jak burak, потому что в таких случаях мы имеем дело с эквивалентностью на уровне целостных фраз, а не их отдельных компонентов.

Считаем нужным добавить, что задача переводчика усложняется, когда он имеет дело с сверхсловными единицами (разного рода устойчивыми оборотами или даже целыми высказываниями). Сравнивая русский и польский языки, можно отметить существование некоторого числа фраз, буквальный перевод которых, не нарушая нормы переводящего языка (ПЯ), может привести к изменению стилистики сообщения. Итак, русский оратор, ссылаясь на слова своего собеседника, оппонента, предыдущего докладчика и т. п., может сказать: «Он сказал, что ...». Его реплика, переведенная на польский язык как: „On powiedział, że ...”, звучит грубо. Иными словами, правильный на уровне лексики и грамматики перевод изменяет прагматическое значение высказывания. В таком случае переводчик вынужден прибегнуть к приему прагматической адаптации. На практике это может означать необходимость использования стандартной фразы, употребляемой в аналогичной ситуации носителями ПЯ. При соблюдении данного правила указанная нами реплика может быть переведена как: „Jak powiedział mój **przedmówca** ...” / „Jak stwierdził mój **kolega** ...” / „Jak zaznaczył poprzedni **prelegent** ...”. Аналогичную ситуацию видим в случае естественных для русского покупателя в разговоре с продавцом фраз – «**Покажите мне пальто!**», «**Я хочу купить костюм!**» [1, с. 145]. Несомненно, для польского рецептора данные фразы звучали бы грубо, так что, ради сохранения нейтральности высказывания, следует выбирать типичные польские реплики, например, „**Czy mogę obejrzeć płaszcz?**”, „**Chciałbym kupić garnitur**” и т. д.

Внимания заслуживает типичная русская реплика переспроса – «**что?**» При нейтральном употреблении (например, преподавателем в учебной аудитории во время беседы со студентами) ее эквивалентом следует считать *польск.* „**Proszę?**”, а не словарное, но невежливое в качестве реплики – „**co?**”. Неучет прагматического значения фраз приводит к изменению стилистики высказывания, что препятствует достижению адекватного перевода.

Потенциальным источником переводческих ошибок могут стать некоторые разговорные формы обращения к незнакомым людям, напр., **дядя!**; **тётя!**; **командир!**, поскольку для польского языка нехарактерно употребление аналогичных лексем ***wujku!**; **ciociu!**; **dowódco!** в указанной функции.

Вне всяких сомнений, трудности при переводе вызывают специфические для русского речевого этикета формы обращения – по имени-отчеству. При ху-

дожественном переводе, а также – спорадически в случае других типов перевода – возможна передача этих форм путем транскрибирования, но намного более распространенным следует считать перевод с помощью эквивалента-аналога. Поскольку русскому обращению по имени-отчеству часто соответствует *польск.* обращение по учёной степени / названию занимаемой должности / званию, в русско-польском переводе допустимы такие соответствия, как: **Ирина Павловна!** – **Pani doktor!** (в вузовской среде), Андрей Николаевич – **Panie prezesie!** (обращение к председателю фирмы), Игорь Валентинович – **Panie kierowniku!** (обращение к начальнику), Анна Михайловна! – **Pani profesor!** (в среднем учебном заведении), **Уважаемый Виктор Николаевич!** – **Szanowny Panie Dyrektorze!** (в заглавии письма) и т. п. Намного сложнее дело обстоит с разговорной репликой речевого этикета отчество / стяженная форма отчества + обращение на ты (**Степаныч, скажи**), а также – с передачей дифференцированности форм: **Александр Александрович, скажите / Александр Саныч, скажите, Сан Саныч, скажите / Александр Александрович, скажи / Саша, скажите / Александр, скажи / Саша, скажи / Сашка, скажи / Сашенька, скажи.**

Подводя итоги наших рассуждений, хочется подчеркнуть значимость прагматических аспектов перевода для пары близкородственных языков. По нашему мнению, необходимо отметить, что на уровне профессионального перевода грубые смысловые ошибки встречаются относительно редко, поскольку коренные расхождения значений лексем в двух языках известны профессионалу по определению. Намного большая вероятность того, что злую шутку сыграют с переводчиком те единицы ИЯ и ПЯ, которые, при сходстве формы и денотативного значения, различаются особенностями функционирования в речи, принадлежностью к стилевому регистру, частотностью употребления. Игнорирование прагматического значения обязательно приводит к появлению серьезных переводческих ошибок, но может стать причиной неточностей на уровне стилистики или сочетаемости слов, нарушая, таким образом, естественность звучания ТП и органичность его восприятия носителем языка. Таким образом, вопрос о прагматическом значении должен стать объектом пристального внимания любого практического переводчика. Хочется выразить надежду, что все более эффективным подспорьем для переводчика будут становиться современные двуязычные словари, при составлении которых надлежащим образом будет учитываться прагматическое значение эквивалентов. В свою очередь, начинающему переводчику хотелось бы посоветовать не только работать над постоянным расширением лексического запаса иностранного и родного языков, но также – изучать лексические системы обоих языков «вглубь», что подразумевает анализ оттенков значений, эмоциональной окраски и нюансов употребления отдельных лексем.

Литература

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение / И. С. Алексеева. – СПб.: СПбГУ; М.: Академия, 2004. – 352 с.

2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
3. Гарбовский, Н. К. Теория перевода: учебник / Н. К. Гарбовский. – 2-е изд. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2007. – 544 с.
4. Гасек, Б. Г. Межъязыковая симметрия и асимметрия в переводе (русский и польский языки) / Б. Г. Гасек // Актуальные вопросы филологии и культурологии: материалы Международной заочной научно-практической конференции (03 мая 2011 г.). – Новосибирск: ЭНСКЕ, 2011.
5. Ерановска-Гронческа, Э. Лексико-семантическая интерференция: на примере устной и письменной речи поляков и петербуржцев польского происхождения в Санкт-Петербурге: дис. ... канд. филол. наук / Э. Ерановска-Гронческа. – М., 2005. – 109 с.
6. Захарова, Л. Д. Прагматическая адаптация перевода / Л. Д. Захарова // Основные понятия переводоведения (отечественный опыт): терминологический словарь-справочник / отв. ред. М. Б. Раренко. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – 260 с.
7. Независимая газета. – 2007. – 27 марта.
8. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 5-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 320 с.
9. Forum. – Nr 17/18. – 2007.
10. Jarosz, J. Duńskie ekwiwalenty tłumaczeniowe polskich przyimków we frazach temporalnych / J. Jarosz. – Wrocław: Oficyna Wydawnicza ATUT: Wrocławskie Wydawnictwo Oświatowe, 2008.

Словари

- Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.; М.: Рипол-Норинт, 2008. – 1536 с.
- Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова // Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
- Chwatow, S. Wielki słownik polsko-rosyjski, rosyjsko polski / S. Chwatow, M. Timoszuik, E. Szędzielorz, B. Walczak-Seroczyńska. – Wyd.: REA, 2008.
- Hessen, O. Wielki słownik polsko-rosyjski. t. 1-2, wyd. V / O. Hessen, R. Stypuła. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 2001. – 1659 s. – Т. 1-2.
- Язык польский. Współczesny słownik języka polskiego / гл. ред. В. Дунай. t. 1-2. – Warszawa: Langenscheidt, 2007. – 2250 с. – Т. 1-2.
- Miodek, J. Słownik ojczyzny polszczyzny / J. Miodek. – Wrocław: Wydawnictwo EUROPA, 2005. – 811 с.
- Mirowicz, A. Wielki słownik rosyjsko-polski, t. 1-2, wyd. VI / A. Mirowicz, I. Dulewiczowa, I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa. – Moskwa; Warszawa: Wydawnictwo Wiedza Powszechna, 1999. – 1500 с.
- Nowy słownik poprawnej polszczyzn / гл. ред. А. Марковского. – Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 2002. – 1786 s.
- Wielki słownik polsko-rosyjski / гл. ред. J. Wawrzyńczyk. – Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 2005, [электронная версия].
- Wielki słownik rosyjsko-polski z kluczem polsko-rosyjskim / гл. ред. J. Wawrzyńczyk. – Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 2004 [электронная версия].

Информация об авторе:

Гасек Богумил Генрикович – кандидат филологических наук, адъюнкт кафедры русского языка, Институт славянской филологии, Вроцлавский университет, Польша, г. Вроцлав, +48 71 375 45 66, bogdan156@rambler.ru.
Gasek Bogumil – PhD in linguistics, assistant professor at the Russian Language Department at the Institute of Slavic Studies, University of Wrocław.